

Чугунов, Д.А. Немецкая литература 1990-х годов: ситуация «поворота» / Д.А. Чугунов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 288 с.

Рецензируемая монография – самая крупная из 20 работ, опубликованных воронежским исследователем современной немецкой литературы в процессе написания докторской диссертации «Немецкая литература 1990-х годов: основные тенденции развития» (диссертация защищена в октябре 2006 г.) – представляет собой первую в российской германистике полномасштабную работу о состоянии немецкой литературы после присоединения ГДР к ФРГ в 1990-м году.

Исследование текущего литературного процесса традиционно (и во многом справедливо) относится к сфере литературной критики, ибо теоретическое и системное осмысление современного состояния литературы требует огромной предварительной работы, которую, как правило, и прорабатывает газетная и журнальная критика, «просеивая» огромное количество имен и произведений, производя первоначальный отбор качественно состоявшихся произведений и выявляя новые тематические и проблемные комплексы. Такая работа, безусловно, ведется в самой Германии. Но и в самой Германии до сих пор отсутствует взвешенное и систематизированное исследование современной немецкой литературы, что свидетельствует как о сложности предпринятого Д.А. Чугуновым труда, так и о его несомненной актуальности. Самая большая трудность состоит даже не столько в изучении огромного потока книжной и журнальной литературной продукции, сколько в небывалой зависимости всей этой продукции от спроса, от рынка, от рекламы, от средств массовой информации, от массового читательского успеха. Плюрализм современного общества эту трудность только усугубляет, и поэтому рынок и коммерческий успех легко осуществляют свою диктатуру в обществе массового потребления. Тем актуальнее становится глубокий научный анализ происходящих процессов.

Д.А. Чугунов во введении, озаглавленном «Начало новой немецкой литературы (90-е годы XX века)», формулируя основные задачи исследования, предлагает краткий, но достаточно убедительный социологический анализ состояния общества ФРГ в 1990-е годы, построенный на основе систематизации имевших место обществоведческих дискуссий. Но еще более важно то, что он сводит воедино основные итоги литературной жизни 1990-х годов, получившие отражение как в текущей литературной критике, так и в наиболее авторитетных литературоведческих исследованиях. Всё это позволяет ему уверенно сформулировать сбалансированный подход к рассмотрению немецкой литературы 1990-х годов как к особому, новому этапу в истории немецкой литературы. Этот подход, хотя и опирается во многом на немецкие источники, никоим образом не дублирует их. Очевидно, в данном случае помогает «взгляд со стороны», поскольку сами немцы воссоединение Германии (или точнее присоединение ГДР к ФРГ) воспринимали в рассматриваемый период слишком эмоционально, что не могло не сказаться и на литературных дискуссиях.

С точки зрения социально-психологической новизна 1990-х годов заключалась в том, что каждый немец должен был заново осмыслить свою национально-государственную идентичность, которая и стала одной из основных тем немецкой литературы 1990-х годов. Проблема «новой идентичности» явилась основным катализатором развития «после-послевоенной немецкой литературы», суть и формы проявления которой подробно рассматриваются в монографии.

Поставив своей целью осмыслить литературу 1990-х годов как «новый период послевоенной немецкой словесности со своими особенностями и открывающимися закономерностями развития» (с. 17), Д.А. Чугунов выдвинул несколько взаимосвязанных задач: «1) зафиксировать ситуации качественных изменений в литературном процессе 1990-х годов; 2) представить последнее литературное десятилетие XX века с его содержательной стороны, определить сущность происходящих изменений в тематическом и проблемном полях новейшей немецкой литературы; 3) охарактеризовать изменившийся образ мира в немецкой литературе 1990-х годов, описать образ человека, ставший характерным для немецкой литературы конца XX века; 4) выявить стилевые изменения, происходящие в литературе 1990-х годов» (с. 20).

И всё же одно замечание необходимо в данном контексте высказать. В названии монографии (и докторской диссертации) стоит «литература», на практике же анализируется почти исключительно проза. Представляется, что и в названии целесообразнее было бы поставить «проза», оговорив во введении, что в рассматриваемый период именно в прозе наиболее отчетливо выразились общие тенденции литературного развития, и при этом доказательно пояснить, почему именно в 1990-е годы так получилось. В целом же исследователь поступил совершенно верно, сосредоточившись на содержательной стороне историко-литературного процесса, ибо новизна рассматриваемого в монографии периода действительно состояла прежде всего в необходимости осмысления в литературе совершенно новой и во многом неожиданной исторической и культурной ситуации, с которой немцы столкнулись после 1989 года.

Основная часть исследования состоит из четырех глав, посвященных целенаправленному конкретному разрешению поставленных задач. В трех первых главах исследуются содержательные аспекты развития немецкой литературы рассматриваемого периода, Д.А. Чугунов пытается здесь выяснить и систематизировать важнейшие тематические и проблемные блоки, заметно отличающиеся, на его взгляд, от тематики и проблематики литературы предшествующего периода. В первой главе выявляются новые акценты в «Осмыслении прошлого немецкой литературой 1990-х годов» (с. 26 – 128).

Вторая глава (с. 129 – 176) посвящена «Осмыслению настоящего немецкой литературой 1990-х годов»; три выделенных автором параграфа («Урбанистическая среда обитания», «Внезапная открытость существования» и «О современном состоянии духа») представляются достаточно важными, хотя, особенно при чтении этой главы, невольно возникает вопрос о том, что психологический шок, возникший после первого года эйфории от присоединения ГДР к ФРГ, в гораздо большей степени испытали бывшие граждане (и соответственно писатели) ГДР, и стоило бы, возможно, именно в данной главе попытаться систематически проанализировать, в какой мере новая ситуация экзистенциально затронула писателей восточных и западных областей Германии, какие различия в их подходах к современности всё еще продолжают сохраняться.

Третья глава (с. 177 – 220) озаглавлена «Человек в современной немецкой литературе» и состоит из четырех параграфов («Персонажи конца века», «Коммуникативная несостоятельность поколения 1990-х годов», «Бегство от любви», «Что же дальше?»); здесь продолжается углубление проблематики первых двух глав с точки зрения новой концепции личности, вычитываемой из произведений, написанных в 1990-е годы. Эта концепция в целом малоутешительна и вызывает немало вопросов, требующих дальнейшей разработки и выходящих по сути за пределы намеченной автором проблематики. Проблемы человека в современном мире по большому счету прямо или косвенно связаны с проблемами глобализации. Сложность, неоднозначность, а отчасти и непредсказуемость глобализации не только в сфере мировых экономических и политических процессов, но и в сфере культуры и литературы выразились в постмодернизме, но связи между глобализацией и постмодернизмом требуют комплексного изучения, одних лишь литературоведческих подходов здесь явно недостаточно. Поэтому я не склонен упрекать Д.А. Чугунова в том, что он не акцентирует внимание на проблемах постмодернизма в современной немецкой литературе, хотя эти проблемы, конечно же, существуют, и, на мой взгляд, их все же в современной немецкой литературе больше, чем мы это можем вычитать из шестого параграфа «Преодоление постмодернистских искушений» (с. 252 – 267) четвертой главы монографии.

Четвертая глава «Стилевые черты немецкой литературы 1990-х годов» посвящена непосредственному рассмотрению некоторых черт поэтики новейшей немецкой литературы, которые, по мнению автора, отличаются от поэтики предшествовавшего периода в истории немецкой литературы. Если же учесть, что предшествовавший период в соответствии с принятой в монографии (и в диссертации) концепцией датируется 1945 – 1989 годами, то можно представить себе и те огромные сложности, с которыми в данном случае столкнулся исследователь – прежде всего это касается необозримого массива произведений, которые необходимо было освоить для достижения достоверных научных выводов. На мой взгляд, этот трудно обозримый массив (несколько десятков имен первого ряда – если иметь в виду «литературу», то есть поэзию, прозу, драматургию, и более 100 имен второго ряда, к примеру, И. Моргнер, Х. Кёнигсдорф, Х. Шуберт, М. Вандер, Э. Эрб, Ю. Кох, М. Штаде, К. Лоренц, А. Стахова и т.д.) пока проработан неравномерно, отсюда вытекает и то, что в дальнейшем наблюдения и выводы, к которым приходит Д.А. Чугунов в шести параграфах четвертой главы, неизбежно будут уточняться (как, к примеру, параграф о «романе воспитания» в новейшей немецкой литературе). Об этом можно было бы сказать известным афоризмом «нельзя объять необъятное», но в науке все же так говорить не принято. Однако нельзя не отметить самым положительным образом высокую научную интуицию Д.А. Чугунова, которая позволяет ему в целом выдерживать объективные оценки и объективные пропорции. Об этом свидетельствует и Заключение монографии (с. 268 – 279). И всё же в одном месте, на мой взгляд, интуиция изменила автору, и он недооценил трагический накал идеологической борьбы в Германии после 1990 года, когда многие журналисты с циничным торжеством писали не о воссоединении Германии, а именно о присоединении ГДР к ФРГ, и никакая цензура этим писаниям не препятствовала. Процитируем это место монографии: «Такие известные деятели искусства и культуры ГДР, как Кристоф Хайн, Криста Вольф, ушли в тень, а умерший в 1994 году Хайнер Мюллер «вообще стал символом процесса распада культурной атмосферы бывшей ГДР» (с. 8). Умерший 30 декабря 1995 года Хайнер Мюллер в большинстве посмертно вышедших некрологов признавался лучшим современным немецкоязычным драматургом и продолжает оставаться таковым до сих пор. Суть же данной проблемы заключается в том, что слишком большим международным авторитетом пользовались вышеназванные писатели ГДР (сюда же относятся С. Гейм (Хайм), К. Хайн, Ф. Браун и некоторые другие), и этот авторитет восторжествовавшим «победителям» необходимо было во что бы то ни стало «приглушить» – для этого их и пытались «загнать в тень» (в том числе и непомерно раздувая так называемую проблему «штази»), чего однако и до сих пор сделать не удалось... Но все же еще раз подчеркну, что процитированное место – единственное, где автору, на мой взгляд, изменяет научная интуиция.

Список использованной литературы насчитывает 149 (в диссертации – 725) наименований и отражает практически всю важнейшую литературу, опубликованную к моменту завершения работы над монографией. Таким образом, перед нами – весьма солидное, во многом примечательное и вполне состоявшееся научное исследование.

*А.А. Гугнин, доктор филологических наук, профессор
(Полоцкий государственный университет)*